Элегия для молодого лося

Ханну Райяниеми

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Холодной весенней ночью Косонен сидел у костра в обществе своего лучшего друга, медведя Отсо, и пытался сочинять стихи. Охота могла быть и удачнее, да вот беда — умное ружье подцепило наночуму, и теперь приходится полагаться только на арбалет. Впрочем, уже моросит дождь, а это значит, что с Косоненом захотели пообщаться боги. Точнее, богиня — его бывшая жена, которую он до сих пор винит в том, что случилось однажды в старые и не очень добрые человеческие времена, когда супруги оставили сына одного играть с машинкой Санта-Клауса.

А вдруг если не семейную жизнь, так хотя бы записную книжку с неоконченными стихами еще можно обновить?

- Ханну Райяниеми
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4

Ханну Райяниеми
Элегия для молодого лося

Ночью, после того как застрелил молодого лося, Косонен сидел у костра и пытался сочинять стихи.

Кончался апрель, но на земле еще лежал снег. Косонен уже привык сидеть по вечерам снаружи, на бревне у огня, на маленькой полянке, где стояла его лачуга. Отсо снаружи было комфортнее, и Косонен предпочитал одиночеству общество медведя. Зверь восседал на куче пихтовых веток и громко фыркал.

От подсыхающей шерсти исходил влажный запах, слегка напоминавший о лосином помете.

Косонен вытащил из кармана записную книжку в мягкой обложке и огрызок карандаша. Полистал: страницы в основном пусты. Слова ускользали, их было тяжелей поймать, чем лосей. Но с этим, бесшабашным и молодым, получилось иначе. Старый лось ни за что не подпустил бы человека и медведя так близко.

Он разбрасывал слова по первой из пустых страниц, крепко сжимая карандаш.

Рога. Сапфировые рога. Нет, скверно. *Застывшие языки пламени. Корни деревьев. Разветвленные судьбы.* Должны найтись слова для описания минуты, когда отдача арбалета ударила ему в плечо, для звука, с каким стрела вонзилась в мясо. Но это было все равно что ловить снежинки на ладони. Едва успеешь различить кристаллическую структуру, и они тают.

Он захлопнул записную книжку и едва не бросил ее в огонь, но затем, передумав, сунул обратно в карман.

Незачем хорошую бумагу тратить. Вдобавок там, куда он ходил до ветру, скоро закончится последний рулон.

— Косонен снова думает про слова, — проворчал Отсо. — Косонену пить больше надо. Тогда не нужны слова. Просто спать.

Косонен взглянул на медведя.

— Думаешь, ты такой умник? — Он постучал по арбалету. — Может, это тебе бы полагалось стрелять в лося.

— Отсо хорошо в запахи. Косонен хорошо стрелять. Оба хорошо пить.

Отсо сладко зевнул, обнажив ряды желтых зубов, перекатился на бок и издал тяжелый довольный вздох.

— Отсо скоро снова пить.

Может, мишка прав. Может, ему больше ничего и не нужно, кроме выпивки. Нет смысла быть поэтом. Там, в небесах, уже

написали все стихи на свете. Там наверняка сады поэзии есть. Или места, где можно обратиться в слова.

Но дело не в этом. Слова должны исходить от пего, грязного бородача из глуши, чья уборная — просто дырка в земле. Яркие слова из темной материи, вот она поэзия.

Когда работает.

Были и другие дела. Чертовы белки прошлой ночью едва замок не одолели. Дверь кладовой укрепить надо… но это до завтра подождет.

Он как раз собирался раскупорить бутылку водки из устроенного Отсо в снегу склада, когда Марья дождем пролилась с небес.

Дождь прошел внезапно; он был холоден, как опрокинутое на голову в сауне ведро воды. Но капли не касались почвы, они летали вокруг Косонена. Он наблюдал, как они меняют форму, соединяются и образуют женщину — скелет тоньше веретена, плоть и мышцы словно туман. Она походила на стеклянную скульптуру. Маленькие груди имели форму идеальных полусфер, в промежности сиял равносторонний серебристый треугольник. Лицо же было ему знакомо: маленький нос, высокие скулы, резко очерченный рот.

Марья.

Отсо, лежавший рядом с Косоненом, мгновенно проснулся.

— Плохой запах, богов запах, — проскрежетал зверь.

— Отсо кусать.

Женщина дождя с интересом взглянула на него.

— Отсо! — осадил его Косонен. Крепко сгреб мишку за жесткую шерсть на загривке, ощутил, как напрягаются мощные мускулы. — Отсо друг Косонена. Слушай Косонена. Не время кусать. Время спать. Косонен поговорит с богом.

Потом он поставил непочатую бутылку водки в снег прямо под носом у медведя.

Отсо принюхался к бутылке и поскреб полурастаявший снег передней лапой.

— Отсо уходить, — сказал он наконец. — Косонен кричать, если бог укусить. Тогда Отсо придет.

Медведь ловко подцепил бутылку в пасть и косолапой расхлябанной походкой направился в заросли. Как медведь.

— Привет, — проговорила женщина дождя.

— Приветствую, — осторожно произнес Косонен. Он задумался, реальна ли гостья. Боги чумы хитры. Они могли извлечь образ Марьи из его памяти. Он покосился на арбалет — не взведен, — прикинул свои шансы: алмазная богиня против

поэта, который в глуши совсем растерял форму. Да ну его.

— Твой пес не сильно-то меня привечает, — сказало существо, похожее на Марью. Женщина села на облюбованное Косоненом бревно и поболтала в воздухе мерцающими ногами взад-вперед, как всегда поступала в сауне Марья, Косонен решил, что это наверняка она, и у него резануло в глотке.

Он откашлялся.

— Медведь, а не пес. Пес бы залаял. Отсо просто кусает. Ничего личного, у него натура такая. Он ворчливый параноик.

— Я такого, похоже, знавала.

— Я не параноик, — Косонен сгорбился и попытался снова раздуть костер. — Тут, в глуши, поневоле учишься осторожности.

Марья осмотрелась.

— Я-то думала, мы вам, оставлением, больше аппаратуры оставили. Тут как-то... примитивненько.

— Да, у нас было много гаджетов, — ответил Косонен, — Но чума их поела, Раньше вместо этого,, — он постучал по арбалету, — была умная винтовка, но она подцепила заразу, Я ее убил большим камнем и в Болото выкинул, Остались лыжи и кое-какие инструменты, ну и это, — Косонен коснулся виска, — Пока хватает, Веселая жизнь, короче.

Он подгреб под образованный бревнышками треугольник немного углей, и на миг снова взметнулось пламя, Трех лет достаточно, чтобы кое-что узнать о выживании в лесу, В мягком свете костра кожа Марьи казалась почти человеческой, Он уселся на груду пихтовых веток, где раньше лежал Отсо, и посмотрел на гостью, Мгновение оба безмолвствовали.

— Ну и как вы там сейчас? — спросил он, — Дел невпроворот?

Марья усмехнулась.

— Твоя жена выросла, Она теперь большая девочка, Тебе лучше не знать, насколько большая.

— Так ты,, ты не она? А с кем я говорю?

— Я она, но я не она, Я часть, но верная часть, Я продукт перевода, Тебе не понять.

Косонен нагреб снега в чашку для кофе и поставил плавиться.

— Ну ладно, Я пещерный человек, не буду спорить, Но мне понятно, что ты здесь, потому как тебе чего-то надо, Ближе к делу, *perkele*[1], — ругнулся он.

Марья глубоко вздохнула.

— Мы что-то потеряли. Что-то важное. Что-то новое. Искра, так мы зовем это. Оно упало в город.

— Мне казалось, у вас для всего копии есть.

— Квантовая информация, Это была часть *нового* бита. Его не

скопируешь.

— Круто.

Между бровями Марьи прорезалась морщинка, Косонен помнил ее по тысяче споров, Он сглотнул.

— Если хочешь общаться в подобном тоне, — сказала она, — воля твоя, Я думало, тебе приятно будет меня увидеть, Мне не было нужды приходить, Могли бы Микки-Мауса послать, Но я хотело тебя увидеть, Марья-большая хотела тебя увидеть, Значит, ты решил доживать свой век тут, трагическая фигура, отшельник в глуши, Отлично, Но ты хоть послушай, В этом ты мой должник.

Косонен не ответил.

— Ясно, — сказала Марья, — Ты все еще виноватишь меня за Эсу.

Она была права, Это она первая в машину Санта-Клауса полезла, Мальчик, говорила она, заслуживает самого лучшего, Мир меняется, Нельзя, чтоб он отставал, Давай его сделаем маленьким божеством, вроде соседского пацана.

— Мне, наверно, не следовало бы *тебя* виноватить, — отозвался Косонен, — Ты всего лишь… фрагмент. Тебя тут не было.

— Я тут было, — тихо проговорила Марья, — Я помню. Лучше, чем ты сейчас. Забываю я тоже лучше, и прощаю тоже. Ты никогда этого не мог. Ты только… стихи писал. Остальные пошли вперед и спасли мир.

— Хорошо поработали, — сказал Косонен. Потыкал в костер палкой, и вместе с дымом в воздух взмыло облачко искр.

Марья встала.

— Хватит, пожалуй, — сказала она, — Я ухожу. Увидимся через сто лет.

Воздух остыл. Вокруг ее фигуры сформировалось гало и стало поблескивать в свете костра.

Косонен зажмурился и крепко сжал челюсти, Он прождал десять секунд и открыл глаза, Марья осталась стоять, где была, глядя на него с беспомощным видом. Он не сдержал усмешки, Она никогда бы не ушла, не оставив за собой последнего слова.

— Извини, — сказал Косонен, — Много времени прошло, Я тут в лесу с медведем живу, Характер от этого лучше не становится.

— Я не заметило существенной разницы.

— Хорошо же, — сказал Косонен и постучал по соседнему участку кучи пихтовых веток. — Садись. Начнем сызнова. А я кофе пока заварю.

Марья села, коснувшись его голым плечом. Она была теплая, даже теплее огня.

— Файервол не пропустит нас в город, — сказала она, — У нас никого… достаточно человеческого не осталось. Судачат, что надо бы кого-то сделать, но… еще век спорить будут. — Она вздохнула. — Мы на небе любим спорить.

Косонен ухмыльнулся.

— Готов побиться об заклад, ты себя там отлично чувствуешь.

Он проверил, на месте ли морщинка, и продолжил:

— Значит, вам нужен мальчик на побегушках.

— Нам нужна помощь.

Косонен посмотрел в огонь, Пламя угасало, но еще облизывало почерневшую древесину, Угли каждый раз принимают новые оттенки, А может, он просто забывает.

Он коснулся руки Марьи, Чуть твердая, вроде мыльного пузыря, Но она не отстранилась.

— Ну ладно, — проговорил он, — Но чтоб вы знали — это не по старой памяти.

— Все, чем можем.

— Я стою недорого, — ответил Косонен, — Мне нужны только слова.

Солнце поблескивало на *кантоханки*: снегу, покрытом корочкой льда, достаточно прочном, чтобы лыжник и медведь не проваливались. Косонен тяжело дышал. Даже на спуске ему было сложно не отставать от Отсо. Но в такую погоду есть нечто прекрасное в том, чтобы прокатиться на лыжах, скользя почти без трения в синих тенях под деревьями, пока снег шипит внизу.

Я чересчур засиделся на одном месте, подумал он. Мне бы стоило выбираться куда-нибудь просто так, а пе по чужой просьбе.

После полудня, когда солнце уже садилось, они достигли железной дороги: обычная просека в лесу, две полосы металла на гравийной подушке. Косонен снял лыжи и укрепил их в снегу.

— Прости, но тебе дальше пути нет, — сказал он Отсо, — Город тебя не впустит.

— Отсо не городской медведь, — ответил медведь.— Отсо ждать Косонена, Косонен забирать баг с неба, обратно. Потом выпьем.

Косонен неловко потрепал медведя по жесткому загривку. Медведь потыкался Косонену носом в живот — так чувствительно, что человек едва не упал. Потом, фыркнув, зверь развернулся и побрел в лес. Косонен наблюдал за Отсо, пока тот не затерялся среди заснеженных деревьев.

Он трижды пытался выудить пальцами из глотки наносемя, полученное от Марьи; это было больно. Он давился, во рту оставался горький привкус. Увы, уберечь тонкую машинерию от

чумы можно Было единственным способом — проглотив. Косонен очистил семя о снег. Скользкое и теплое, оно напоминало прозрачную ёлочную игрушку диаметром с орех. В его детстве такие игрушки можно было выудить из автоматов, установленных по супермаркетам: пластиковые шарики с каким-нибудь сюрпризом внутри.

Он аккуратно установил его на рельсах, утер с губ остатки рвоты и омыл рот водой. Потом посмотрел на семя. Марья знала, что Косонен не читает пользовательских инструкций, поэтому не дала ему никакой.

— Сделай мне поезд, — произнес он.

Ничего не случилось.

Может, оно мои мысли прочтет? предположил он и вообразил поезд: старинный паровоз, пыхая, ползет по рельсам. Опять ничего. В чистой поверхности семечка отражался темнеющий небосклон. *Ей, по необходимости, всегда была свойственна тонкость.* Марья никогда не вручала подарка, не продумав предварительно это действие дни напролет. Пока он стоял неподвижно, весенний морозец прокрался под пальто, подбитое волчьим мехом. Косонен запрыгал, потирая руки, чтобы согреться.

С этими движениями пришла идея. Он нахмурился, продолжая глядеть на семя, и выудил из кармана записную книжку. Вероятно, пора воспользоваться другим подарком Марьи — впрочем, это мог быть и авансовый платеж, как посмотреть. Не успел он записать первые строчки, как слова ринулись ему в мозг, словно пробудившиеся после спячки животные. Он захлопнул записную книжку, прокашлялся и продекламировал:

эти рельсы износились
от колес
записавших имя
каждого пассажира
милями и сталью

— он сказал —

и хорошо что
годы пожирали
нашу плоть тоже
мы стали тонкими и легкими
а рельсы все еще прочны
и донесут нас в город
на поезде из стекла и слов.

Белиберда, подумал он. Неважно. Радость слов разлилась по его жилам, словно водка. *Жаль, что не сработало…*

Контуры семени размылись. Оно будто взорвалось, расширившись до раскаленно-белой сферы. Косонена хлестнуло волной тепла. Мимо шмыгнули сверкающие щупальца, выдрали углерод и металл из деревьев и рельс. Заплясали в воздухе, как дуги электросварки, очертили поверхности и линии.

И вдруг появился поезд.

Он был прозрачный, стены — бумажно-тонкие, колеса — изящно-ажурные, словно его сработал стеклодув. Мультяшный набросок паровоза: один вагон с паутиннотонкими креслами внутри, все так, как Косонен и представил.

Он поднялся внутрь, опасаясь, что тонкая структура распадется под его тяжестью, но та оказалась прочной, как скала. Наносемя невинно лежало на полу вагона, словно было тут ни при чем. Косонен аккуратно подобрал его, вынес наружу и зарыл в снег, оставив в качестве указателей свои лыжи и палки. Потом впрягся в рюкзак, снова забрался в поезд и сел в одно из паутинных кресел. Поезд, ни с чем не соединенный, пришел в плавное движение. Косонену мерещилось, что рельсы внизу шепчут, но он не слышал слов.

Он смотрел, как скользит мимо темнеющий лес. Тяжесть дневного перехода давила на конечности. Память о снеге под лыжами растаяла в движении поезда, и вскоре Косонен уснул.

Когда он проснулся, было темно. На горизонте грозовой тучей полыхал янтарный файервол.

Поезд набрал скорость. Темный лес снаружи размылся, шепот рельс превратился в негромкое стаккато. Косонен аж сглотнул: поезд покрыл оставшееся расстояние за считанные минуты. Файервол разросся до туманного купола, подсвеченного изнутри желтоватым сиянием. Силуэт города под ним невозможно было четко различить. Здания, по впечатлению, без устали двигались, словно гигантские марионетки в театре теней.

Затем прямо на пути поезда опустился пламенеющий занавес, неприступная стена из сумерек и янтарных углей поперек рельс. Косонен схватился за тонкую раму кресла так, что побелели костяшки.

— Тормози! — заорал он, но поезд не слышал его. Машина врезалась прямо в файервол. Удар был сокрушителен. Вспыхнул свет, и Косонена выдернули из кресла.

Ощущение осталось такое, словно он тонул, с тем отличием,

что бескрайнее море было из янтарного света, а не из воды. Кроме света, там не было ничего, только пустота. Кожу покалывало. Он не сразу сообразил, что дыхание остановилось.

С ним заговорил грубый голос.

Здесь не место людям, сказал голос. *Закрыто, Запретная зона. Возвращайся.*

— У меня задание, — ответил Косонен. Эха в свете не слышалось. — От твоих создателей. Они приказывают тебе впустить меня.

Он смежил веки, и третий подарок Марьи проявился перед ним: не словесный, но числовой. У него всегда была слабая память, но прикосновение Марьи выжгло в его сознании эти цифры, будто кислотой Он зачитал казавшуюся бесконечной последовательность, цифру за цифрой.

Ты можешь войти, ответил файервол. *Но лишь человеческое сможет выйти.*

Вернулись поезд и скорость: резкие, реальные, словно вырезанные из бумаги. Сумеречное сияние файервола, впрочем, тоже сохранилось, но вместо леса вдоль рельс потянулись темные здания, глядя на него пустыми окнами.

У Косонена закололо руки. Руки были чистые, как и одежда. Не осталось ни частички грязи. Он будто только что из сауны вылез, распаренный докрасна.

Поезд наконец сбросил скорость и остановился у темной пасти вокзала.

Косонен был в городе.

Город представлял собой лес из металла и бетона, но лес этот дышал и гудел, В воздухе пахло озоном, Фасады привокзальных зданий почти не изменились, хотя стали чуточку неправильными, Краем глаза он различал, как они *шевелятся*, будто ворочаются во спячке животные с каменными шкурами, Он не заметил никаких признаков жизни, за исключением стайки голубей, что прыгала взад-вперед по лестнице и глядела на него. Сапфировыми глазами.

Притормозил автобус, полный безликих пассажиров, которые сидели неестественно прямо, словно манекены при испытаниях на разрушение. Косонен решил не заходить туда, а направился пешком через площадь, к главному променаду; нужно было откуда-то начинать поиски искры. Она будет гореть, сказала Марья. Ты ее ни с чем не перепутаешь.

На парковке валялось что-то вроде остова машины: опрокинута на бок, крыша вдавлена, словно у небрежно смятой жестянки из-под пива, везде засохшие капли белого голубиного

помета. Но когда Косонен проходил мимо, двигатель внезапно заревел, крыша откинулась, а изнутри к человеку с шипением рванулись тесно сбитые щупальца.

Косонен ухитрился развить приличный темп, прежде чем автотварь перекатилась и встала на все четыре колеса. На другой стороне площади улочки узкие, слишком тесные для нее. Он несся, чувствуя, как бухает кровь в ногах и леденеет комок в желудке.

Арбалет, переброшенный через плечо, больно бил его по спине, а перекинуть оружие через голову все никак не получалось.

Тварь уверенно обогнала его и развернулась, потом двинулась прямо на него. Щупальца выпростались из сияющего мотора и зашипели по-змеиному.

Косонен повозился со стрелой и разрядил арбалет. Оружие щелкнуло, но стрела отлетела от лобового стекла. Казалось, это смутило тварь в достаточной степени, чтобы Косонен успел проскочить мимо. Он рыбкой нырнул вперед, с чувствительным ударом приземлился на тротуар и перекатился по нему.

— Да помогите же мне кто-нибудь, *perkele,* — чертыхнулся он в бессильном гневе, приподнялся, весь в поту, пока тварь медленно откатывалась, рыча двигателем. Он обонял запах паленой резины, смешанный с озоном. *Может, получится ее одолеть,* явилась дикая мысль; он распростер руки, отказываясь бежать. *И-и… последний стих…*

Перед тварью что-то приземлилось. Зашуршали крылья. Это был голубь. Косонен и автотварь уставились на него. Голубь успокоительно поворковал, после чего взорвался.

Взрыв чуть не разорвал барабанные перепонки, а белый огненный шар на секунду затемнил весь мир. Косонена снова швырнуло наземь; он валялся на своем рюкзаке и слушал болезненный звон в ушах. В десяти метрах от него догорала автотварь, искореженная до неузнаваемости.

Другой голубь подбирал с тротуара то, что могло показаться металлическими осколками. Существо нахохлилось и посмотрело на него. Пламя отразилось в сапфировых глазках. Потом оно улетело, оставив по себе белую каплю помета.

Променад был пустынен. Косонен двигался осторожно, высматривая, нет ли других автотварей, держался узких переулков и дверных проемов. Свет файервола между зданий побледнел, в окнах заплясали странные огоньки.

Косонен осознал, что ему хочется есть. Он не ел с полудня, а дорога и драка отняли много сил. Отыскав в безопасном по виду

месте на углу улицы пустое кафе, он установил на столике небольшую походную печку и согрел воды. Его припасы в основном исчерпывались супом в жестянках и сушеной лосятиной, однако протестующий желудок был невзыскателен. От запаха еды он потерял осторожность.

— Это мое место, — обратился к нему голос.

Косонен взвился, потянувшись к арбалету.

В дверях стояла сгорбленная троллеобразная фигура, облаченная в лохмотья. Лицо в рамке засаленных волос и бороды поблескивало от грязи и пота. Пористая кожа пестрела сапфировыми ростками, словно родинками. Косонен полагал, что жизнь в лесу сделала его нечувствительным к людским запахам, но от незнакомца горьковато воняло потом и прокисшей выпивкой, да так, что Косонена потянуло блевать.

Неизвестный прошел внутрь и выбрал столик напротив Косонена.

— Да ладно, все в порядке, — дружелюбно произнес он. — Тут гостей и так немного. Добрососедство не помешает. Saatana[2], это что у тебя, суп «Блабанд»?

— Угощайся, только немного, — настороженно отвечал Косонен, За эти годы он встречал некоторых оставленцев, но старался их избегать: у всех у них были свои причины остаться, и очень редко общие черты.

— Пасиб/ Добрососедство, ты гляди. А, да, Я Пера. — Тролль вытянул руку.

Косонен осторожно пожал ее, ощутив под кожей Перы странные колючие предметы. Это было как пожать перчатку с измельченным стеклом внутри.

— Косонен, Так ты здесь живешь?

— Не-ет, не здесь. Не в центре. Я сюда прихожу чего-нибудь стырить из домов. Но дома теперь реально умные стали. И жадные. Даже супа толком не сыщешь. В «Стокманне» меня вчера чуть не съели, натурально. Жизнь тут жестянка. — Пера качнул головой. — Но лучше, чем снаружи.

В его глазах появилось лукавое выражение. *Интересно, ты остаешься здесь потому, что тебе так хочется,* подумал Косонен, *или потому, что файервол больше не выпускает?*

— Значит, ты не боишься богов чумы? — спросил он громко, передавая Пере одну из разогретых консервных банок. Городской оставленец вылакал ее одним могутным глотком; запах минестроне смешался с другими компонентами.

— А чего их бояться? Они все померли.

Косонен изумленно уставился на Перу.

— Откуда ты знаешь?

— Голуби мне рассказали.

— Голуби?

Пера осторожно вытащил что-то из кармана драного пальто. Это Был голубь. Голубь с сапфировыми глазами и клювом, и перья тоже голубоватые. Существо зашуршало крыльями и забилось в руках Перы.

— Маленькие вы мои, — протянул Пера. — Ты с ними, верно, уже встречался.

— Да, — сказал Косонен. — Это ты послал того, который взорвал ту штуку, похожую на авто?

— Ну, соседи должны друг другу помогать, не? Пустое. Суп вкусный.

— И что они рассказали тебе про Богов чумы?

Пера осклабился; в его ухмылке недоставало многих зубов.

— Когда Богов тут заперли, они стали драться друг с другом. Не хватило силенок наружу вылезти, вот. Должен был остаться только один, как в *Горце*. Голуби мне иногда картинки показывают. Кровь, кишки, взрывы, наниты жрали людей. Но в итоге они все вымерли, до единого. Теперь это моя личная игровая площадка.

Значит, Эса тоже мертв. Косонена удивило, как резанула его боль от потери, даже сейчас. *Лучше, чем так.* Он сглотнул. *Что же, сначала нужно выполнить работу. Нет времени тосковать. Потом подумаю, когда вернусь домой. Напишу стихи. И расскажу Марье.*

— Ну ладно, — проговорил Косонен, — я тут тоже... на охоту вышел. Твои маленькие приятели случайно не находили? Оно такое, сияющее. Если поможешь, отдам тебе весь суп, какой у меня при себе. И лосятину. И потом еще принесу. Как тебе такое предложение?

— Голуби что угодно разыщут, — ответил Пера, облизывая губы.

Голубятник шагал сквозь городской лабиринт, как по своей гостиной, в сопровождении тучи химерических птиц. То и дело одна из них опускалась ему на плечо и склоняла клюв к уху, словно шепча что-то.

— Поспешим, — сказал Пера. — Ночью не так плохо, но днем дома молодеют и начинают мыслить.

Косонен потерял всякое ощущение направления. Карта города отличалась от запомнившейся ему по тем временам, когда он последний раз сюда выбирался, по старым людским временам. Он предполагал лишь, что направляются они примерно к собору в историческом центре, но уверен не был. Ориентироваться по

измененным улицам было все равно что блуждать по лабиринтоподобным извилистым венам какого-то огромного животного. Некоторые здания утопали в чем-то вроде черной жижи — она капала, словно нефть. Иные срослись воедино, образуя органического вида структуры из кирпича и бетона, перегородили улицы, вздыбили тротуар.

— Мы недалеко, — сообщил Пера. — Они видели эту штуку. Она светится, как хэллоуинская тыква, так они говорят.

Он захихикал.

Янтарный свет файервола усиливался. А еще стало теплее, и Косонен вынужденно сбросил свой старый свитер из Похьянмаа.

Они миновали офисный центр, преображенный в спящий лик — бесполый, как у статуй острова Пасхи. В этой части города ощущалось больше жизни: бегали сапфироокие животные, с карнизов глядели тощие кошки. Косонен заметил лису, которая перебегала улицу: животное глянуло на них разок яркими глазами и шмыгнуло в канализацию.

Они повернули за угол, где безликие люди, одетые по моде десятилетней давности, танцевали в витрине магазина, и увидели собор.

Здание разрослось до гаргантюанских размеров, господствуя над окружающими постройками. Оно напоминало муравейник из темно-красного кирпича с шестиугольными дверными проемами. И кишело жизнью. Коты с сапфировыми когтями льнули к стенам, словно тощие гаргульи. Вокруг башен носились стаи толстых голубей. Туда-сюда через распахнутые массивные двери шмыгали стайки азурнохвостых крыс, словно посланные с заданием боевые отряды. И насекомые: они были везде, наполняли воздух жужжанием, подобным звуку дрели, мельтешили плотными черными тучами, словно черные выдохи исполина.

— Ох, *jumalauta*[3], — вырвалось у Косонена. — Она что, здесь упала?

— На самом деле нет. Мне просто нужно было тебя сюда привести, — пояснил Пера.

— Что-о?

— Прости. Я соврал. Все получилось именно так, как в *Горце*. Остался только один. И он хочет с тобой поговорить.

Косонен тупо уставился на Перу. Голуби меж тем обсели его плечи и руки серым трепещущим плащом, ухватили Перу за лохмотья, волосы и кожу, вонзив острые когти в его плоть, и яростно захлопали крыльями. На глазах у Косонена Пера воспарил ввысь.

— Ты не обижайся, он мне просто предложил лучшие условия, — крикнул он. — Спасибо за суп!

И пропал в небе черным пятнышком, словно обрывок ткани.

Земля содрогнулась. Косонен упал на колени. Окна вдоль улицы налились ярким зловещим сиянием.

Он попытался убежать, Он недалеко ушел: пальцы города рванулись к нему. Голуби, насекомые: жужжащий рой накрыл его. Дюжина химерокрыс вцепилась в его голову, и он ощутил, как гудят маховики их сердец. Что-то острое прорезало кость. Боль вспыхнула лесным пожаром. Косонен закричал.

Город заговорил с ним. Голос города был подобен грому, а слова слагались из дрожи земной и вздохов зданий. Медленные, выжатые из камня слова.

Папа, произнес город.

Боль исчезла, Косонен услышал ласковый шорох волн, ощутил дуновение теплого ветра на лице, Открыл глаза.

— Привет, пап, — сказал Эса.

Они сидели на причале у летнего домика, раскрасневшиеся после сауны, завернутые в полотенца. Спускался вечер, в воздухе тянуло холодком — вежливым напоминанием финского лета о бренности всего сущего. Солнце висело над голубоватыми кронами деревьев. Озерная гладь полнилась отражениями и источала спокойствие.

— Я подумал, тебе тут понравится, — сказал Эса.

Эса был такой, каким Косонен и запомнил его: бледный тощий подросток, ребра очерчены под кожей, длинные руки сложены на коленях, тонкие мокрые темные волосы нависают надо лбом. Но глаза у него оказались городские: темные шары из металла и камня.

— Мне понравилось, — сказал Косонен. — Но я тут не могу остаться.

— Почему?

— Мне нужно кое-что сделать.

— Мы целую вечность не виделись. Сауна натоплена. Я поставил пиво в озеро охлаждаться. Зачем спешить?

— Мне следовало бы тебя бояться, — сказал Косонен. — Ты убивал людей. Прежде чем тебя сюда засунули.

— Ты не знаешь, каково это, — ответил Эса. — Чума творит все по твоей воле. Дает то, о чем ты даже не знал, что ты этого желаешь. Размягчает мир. Иногда — разрывает его на части по твоей воле. Подумал что-нибудь — и сломал. Ничего не сделаешь.

Мальчик закрыл глаза.

— Ты тоже хочешь. Знаю, что хочешь. Поэтому ты здесь, не так ли? Ты хочешь свои бесценные слова обратно.

Косонен молчал.

— Мальчик на побегушках у мамочки, vittu[4]. Они пофиксили твой мозг, вымыли оттуда алкоголь, и ты снова можешь писать. Ну и как, хорошо тебе? Мне на миг почудилось, что ты пришел сюда за мной. Но с чего бы это вдруг, а?

— Я не знал…

— Понимаешь ли, я твою башку насквозь вижу, — проговорил Эса. — Я запустил пальцы тебе в черепушку. Одна моя мысль, и мои баги тебя сожрут, перенесут сюда на добрую службу. Вечно эффективное времяпрепровождение. Что скажешь на это?

Ага, вот она, старая вина.

— Мы за тебя тревожились каждую секунду с тех пор, как ты родился, — сказал Косонен. — Мы хотели для тебя только самого лучшего.

Все казалось вполне естественным. Как мальчишка играет с машиной, которая делает другие машины. Как предметы меняются от взгляда. Как Эса с улыбкой показывает Косонену говорящую морскую звезду, которую изготовила машина.

— А потом у меня выдался скверный денек.

— Помню, — ответил Косонен. Он вернулся домой поздно, как всегда. Эса стал алмазным деревом, прорастающим в своей комнате. Морские звезды были везде, они поедали стены и пол, воспроизводили себя. Это было только начало.

— Вперед. Забирай меня. Твой черед превращать меня в то, чем ты хочешь меня видеть. Или покончи с этим. Я заслуживаю.

Эса негромко рассмеялся.

— Зачем бы мне так поступать со стариком?

Он вздохнул.

— А я тоже стар, знаешь… Позволь показать тебе.

Он нежно коснулся плеча Косонена и *Косонен стал городом. Кожа его была каменная и бетонная, поры полнились богочумой. Улицы и дома слагали его лик, менялись и двигались при каждой мысли и эмоции. Нервная система его состояла из алмаза и оптоволокна. Руки — из животных-химер.*

Файервол окружал его со всех сторон, в небе и холодном скальном основании, невещественный, но алмазно-прочный, давил отовсюду, отсекал энергию, подавлял темпы мышления. Все же он мог видеть сны, сплетать слова и образы в нити, творить миры из воспоминаний — своих личных и воспоминаний меньших богов, которые он пожрал, становясь городом. Он напевал свои сны по радио, не беспокоясь, проходят они через файервол или нет, громче и громче…

— Стоп, — сказал Эса из дальней дали. — На-ка пиво.

Косонен ощутил в руке холодную бутылку и отпил из нее.

Пиво грез было реальным и крепким. Вкус солода вернул его. Он глубоко вздохнул, позволяя подделке летнего вечера смыть город.

— Ты за этим меня сюда привел? Показать мне это? — спросил он.

— Нет, — рассмеялся Эса. Каменные глаза его вдруг сделались юными. — Я всего лишь хотел познакомить тебя со своей девушкой.

Квантовая девушка была золотоволосая и светлоглазая. Лица ее множились, придавая сходство с индуистской богиней. Осторожными шажками двинулась она к пристани. Летоземлие Эсы трескалось кругом, кожу девушки прослаивали ломаные линии, откуда лилось сияние иномирских оттенков.

— Это Сяде. — молвил Эса.

Девушка глянула на Косонена и заговорила: исторгла бурлящий поток слов, суперпозицией охвативший все возможные приветствия.

— Рад познакомиться. — ответил Косонен.

— Там, наверху, хорошо поработали, сотворив ее, — объяснил Эса, — Она существует во множестве миров одновременно, мыслит кубитами. Но ей хочется принадлежать этому миру. Жить со мной, — Он ласково тронул девушку за плечо, — Услышала мои песни и убежала.

— Марья сказала, что это было падение, — заметил Косонен. — Что случилась какая-то поломка.

— Она изложила ту версию, какую ее заставили озвучить, Им не нравится, когда дела идут не по их плану.

Сяде издала звук, подобный звону стеклянного бокала.

— Файервол продолжает давить на нас, — сказал Эса, — Он таким сделан. Он должен замедлять все внутри, пока мы не умрем. Сяде здесь не помещается, ей тесно. Тебе придется забрать ее домой, пока не стало слишком поздно.

Он улыбнулся.

— Лучше тебе это сделать, чем кому-то другому.

— Так нечестно, — произнес Косонен, щурясь на Сяде. Она была слишком яркая, чтобы на нее смотреть. *Но что я могу сделать? Я всего лишь кусок мяса. Мяса и слов.*

Мысль эта была как еловая шишка: на ощупь грубая, но в ней что-то есть. Некое зерно.

— Думаю, в этой поэме найдется место вам двоим, — сказал он.

Косонен снова сидел в поезде, глядя, как несется мимо город. Стояло раннее утро. Восходящее солнце принесло городу новые

оттенки: тени пурпурные и золотистые, цвета янтарные. Усталость пульсировала в висках. Тело ныло. Слова поэмы отягчали разум.

Над куполом файервола он видел огромную алмазную морскую звезду. Автономник небесного народа наблюдал за ним. Словно простертая длань.

Они явились посмотреть, что произошло, подумал он. Они узнают.

На этот раз он принял файервол с дружеским чувством, и колющая яркость опять омыла его. Глубоко внутри ожил грубый часовой. На этот раз тот ничего не говорил, но Косонен ощущал его присутствие: страж анализировал, вынюхивал чуждое окружающему миру.

Косонен все ему раскрыл.

Первый миг, когда он понял, что перенес нечто стоящее на бумагу. Разочарование, когда он понял, что в маленькой стране поэт немногого стоит; груды экземпляров дешевого первоиздания пылились по книжным магазинчикам. Ревность, которую он испытал, когда Марья принесла жизнь Эсе: бледным подобием этого были обретающие жизнь слова. Следы лося на снегу и взгляд глаз умирающего зверя.

Он ощутил, как часовой отступает, удовлетворенный обыском.

Он оказался снаружи. Поезд вылетел в реальный, неразбавленный рассвет. Он оглянулся на город: морская звезда исторгла огненный дождь. Столпы света рассекали город геометрическими узорами, слишком яркими, чтобы на них смотреть, и оставляли по себе лишь раскаленную добела плазму.

Косонен закрыл глаза и ухватился за поэму, пока город горел.

Косонен посадил наносемя в чаще. Вырыл голыми руками в полуоттаявшем торфе, под пеньком от старого ствола, глубокую яму. Сел, снял кепку, вытащил записную книжку и начал читать. Нацарапанные грифелем слова пылали в его мозгу, и спустя некоторое время нужда сверяться с записной книжкой отпала.

Поэма проявлялась из слов, как восстает из океана титаническое чудище: сначала показывается лишь малая часть, потом вырывается остальное, брызжет фонтаном глоссолалии, как вздымающаяся гора. Поток шипящих слов и фонем, нескончаемое, саднившее в горле заклинание. С ним уносилась квантовая информация из микротрубочек нейронов, где ныне обитала яркоглазая девушка, а из синапсов, где схоронился сын, вырывались колючие импульсы.

Поэма перешла в рев. Он продолжал, пока не сбился на шипение. Его слышало только наносемя, но этого было

достаточно. Под торфом что-то зашевелилось.

Когда поэма наконец завершилась, спустился вечер. Косонен открыл глаза. Первым, что он увидел, были сапфировые рога, блеснувшие в последних лучах солнца.

На него глядела пара молодых лосей. Один зверь был меньше и изящнее, и в его крупных карих глазах таилась искорка солнечного сияния. Другой, молодой и тощий, с гордостью нес свои панты. Он встретил взгляд Косонена, и в этих глазах человек увидел тени города. А может, отражения на летнем озере.

Лоси развернулись и молча унеслись в чащу — свободным летящим галопом.

Когда Косонен открывал дверь кладовой, дождь возобновился. На этот раз — легкая морось, сложившая в воздухе лицо Марьи из капель. Ему показалось, что Марья подмигивает. Потом дождь стал туманом и прошел. Косонен откинул дверь.

Белки заинтересованно смотрели на него с деревьев.

— Все это ваше, господа, — сказал им Косонен. — До зимы должно хватить. Мне больше не потребуется.

Отсо с Косоненом снялись с места в полдень и двинулись на север. Лыжи Косонена легко скользили по утончавшемуся снегу. Медведь волок сани, груженные оборудованием. Уже довольно далеко от хижины он остановился и принюхался к свежим следам.

— Лось, — прорычал он. — Отсо голодный. Косонен застрелил лося. Мясо в дорогу нужно. Косонен не взял достаточно выпивки.

Косонен покачал головой.

— Я лучше научусь рыбачить, — сказал он.

notes

Примечания

1

Черт бы тебя побрал (фин.)

2

Че-е-е-рт (фин.)

3

Срань господня (фин.)

4

Вот Блядь (фин.).